РЕЦЕНЗИИ

Е.А. Тюгашев
Новосибирск

КАК СВЕТ ДАЛЕКИХ ЗВЕЗД ДОХОДИТ... (РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ Н.Ф. ЗЮЗЕВА «ПИТИРИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ СОРОКИН»)

**Зюзов Н.Ф. Питирим Александрович Сорокин.
Сыктывкар: Издательство «Эском», 2019. 258 с.**

Цитирование: Тюгашев Е.А. Как свет далеких звезд доходит... (размышления над книгой Н.Ф. Зюзева «Питирим Александрович Сорокин») // Наследие. 2021, № 1(18). – С.130–134.

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2021.1.7>

Citation: Tyugashev E.A. *Kak svet dalekih zvezd dohodit... (razmyshleniya nad knigoy N.F. Zyuzeva «Pitirim Aleksandrovich Sorokin»)* [How light does reach the stars that from afar... (Novel review): Zuzev N.F. Pitirim Alexandrovich Sorokin] // *Nasledie* [Heritage]. 2021, No. 1 (18). – pp.130–134.

DOI: <https://doi.org/10.31119/hrtg.2021.1.7>

В 2019 г. исполнилось 130 лет со дня рождения П.А. Сорокина. К 130-летию юбилею Сорокина известный исследователь его творчества Николай Федосеевич Зюзов, профессор кафедры философии и социально-политических наук Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина, опубликовал две научно-популярные книги. Монография «Питирим Сорокин: учение и жизнь» вышла в научно-популярной серии Российского фонда фундаментальных исследований [Зюзов, 2019а]. Вторая книга – «Питирим Александрович Сорокин» – в серии

«Республика Коми: люди и время» [Зюзов, 2019б]. Обе книги написаны в жанре биографии и изданы одновременно. Монография представляет собой опыт анализа научной эволюции Сорокина и уже являлась объектом наших размышлений [Тюгашев, 2020б]. Вторая книга – скорее беллетризованная психобиография социолога, и я рассматриваю ее в настоящей рецензии.

Н.Ф. Зюзов видит свою задачу не в хронологическом изложении фактов личной жизни Сорокина, а в проникновении в его духовный мир, полный противоречий и парадоксов. Книга выстроена вокруг академического конфликта между Питиримом Сорокиным и Толкоттом Парсонсом, его учеником, который, с одной стороны, инициировал упразднение департамента социологии в Гарвардском университете – дела профессиональной жизни Сорокина в его противоборстве с Чикагской социологической школой, а с другой стороны – был председателем комитета по организации его похорон. Комментируя этот конфликт, Н.Ф. Зюзов рекурсивно, в духе прогрессивно-регрессивного метода Ж.-П. Сартра углубляется в более ранние события жизни Сорокина и обращается к более поздним событиям, вплоть до последних месяцев, когда Сорокин отказался от химиотерапии для лечения обнаруженного у него рака легких.

Психологический портрет, который автор дает своему герою, включает в себя следующие черты, проявившиеся главным образом в академической деятельности в американский период его жизни:

- фантастическое, звериное чувство опасности, не раз спасавшее жизнь;
- нечеловеческая работоспособность;
- горячность и бойцовский дух, воинственность и нетерпимость к чужому мнению;
- самонадеянность и опрометчивость, безрассудство и бесстрашный авантюризм;
- эмоциональность и убежденный субъективизм;
- нетерпимость к возражениям и критике, категоричность выводов и догматический тон;
- «бычье упрямство» и непреклонность в следовании представлениям, почерпнутым из собственного опыта;
- использование в полемике без стеснений резких выражений, пристрастие к разносам;
- чувство иерархии, авторитарность и надменность;
- амбициозность и стремление быть на вершине;
- максимализм в сочетании с низкой требовательностью по конъюнктурным соображениям;
- эгоизм и пустое проповедничество альтруистической любви;
- сообразительность, предприимчивость и расчетливость;
- похвальба, мелкое тщеславие и стремление к саморекламе;
- чрезмерное фантазирование и эксцентричность пророка страшных бед.

Как мы видим, автор не комплиментарен к своему герою, а психологически наблюдателен и объективен.

Но Сорокин не всегда был таким. В монографии «Питирим Сорокин: учение и жизнь» Зюзов замечает: «В юности он, даже будучи критичным в своих высказываниях, никогда не переходил границ вежливости и академического такта. В Аме-

рике он порой становится просто груб, что, кстати, затем привело к неоднократным конфликтам в академической среде и большому количеству недоброжелателей» [Зюзов, 2019а, с.11].

Н.Ф. Зюзов пытается отыскать в биографии Сорокина факторы, которые привели к его личностной трансформации. В качестве таких гипотетических причин рассматриваются следующие «жесткие» пограничные ситуации:

- суицидальные наклонности северянина;
- детский страх от утопления в Вычегде, часто воспроизводившийся в кошмарных сновидениях;
- пограничная ситуация ожидания расстрела в тюрьме в Великом Устюге;
- чувство вины за то, что сумел выкрутиться и выжить, перед товарищами, которые сгорели в пекле революции и гражданской войны, честно и достойно, мученически приняли смерть.

Н.Ф. Зюзов приходит к выводу о том, что Сорокин чувствовал себя обязанным друзьям, которые, используя В.И. Ленина, вытащили его из ЧК и вытолкнули из Советской России, дали ему шанс жить и творить. Он чувствовал вину за преждевременный уход из жизни М.М. Ковалевского, Е.В. Де Роберти, П.Н. Зепалова, Н.Д. Кондратьева, К.М. Тахтарева и многих других, которые были талантливее его, но не успели себя реализовать. Сорокин был призван восполнить своим голосом их трагически онемевший хор. Доказать, что избран и спасен не зря. Сделать все и отчитаться перед ними. «Это они не позволяли ему лениться и даже ненадолго откладывать в сторону перо. Он должен был написать обо всем, о чем они не смогли. О том, что они испытали вместе, но только он имеет возможность рассказать. Они гнали и гнали его, и он делал ту работу, для которой они родились на свет, но не успели сделать. Каждый раз он ругал себя за то, что не написал так, как следовало бы, что приходится довольствоваться полууспехом, и тут же брался за следующую книгу», – пишет автор [Зюзов, 2019б, с.228].

Предложенное объяснение выглядит вполне мотивированным. По крайней мере, Сорокин действительно являлся последним уцелевшим и реализовавшим себя представителем замечательной плеяды русских социологов начала XX в., научное наследие которых в последнее время вводится в научный оборот, но концептуально почти не освоено.

Столь же мало освоено наследие Сорокина. Пока не все его работы доступны российскому читателю. И для освоения его местами весьма эксцентричного учения недостаточно, на мой взгляд, простого прочтения и изложения. Эвристично более глубокое понимание его подходов, которые он формулировал, но не всегда выдвигал на первый план. Следует различать Сорокина в его номинальной саморепрезентации и в его действительной концептуальной полезности.

А полезность учения Сорокина многими чувствуется. Представляется существенным повсеместное распространение социокультурного подхода как способа описания общественных явлений. Этот подход – в шпенглеровской его интерпретации – воспринимается как более сложное методологическое средство, чем простые линейные и циклические модели общественного развития.

В советском общественном знании с 1970-х гг. к социокультурному подходу обращались как к парадигмальной альтернативе историческому материализму. Это не слу-

чайно. Как мыслитель – да и по объему научного наследия – Сорокин вполне сопоставим с Лениным, что уже начинает осознаваться [Сапов, 2017, с.10]. Поэтому важно дальнейшее осмысление его идей, а также научных достижений российских социологов начала XX в.

Возникает также вопрос о практической реализации интегрализма в жизни Сорокина. Судя не только по его жизни, но и по воспоминаниям, Сорокин был сенсатным типом, носителем активно-чувственного менталитета и окончательно успокоился, пожалуй, только с известием о заболевании. Поэтому его психологическая характеристика представляет особый интерес.

Напомню, что Сорокин выделял два основных психологических типа коми: 1) тип «непротивленца», спокойно выполняющего свой долг; 2) тип демонический, вечно мятущийся и волнующийся, присущий самому Сорокину. Поскольку безмятежность атрибутируется идеалистической культуре, а взволнованность – чувственной культуре, то соотношение двух психологических типов определяет психодинамику народа коми, протекающую через суперритм смены чувственной и идеалистической культур [Тюгашев, 2020а, с.49]. Возможно, в феномене альтруистической трансформации Сорокина мы наблюдаем пример идеалистического транзита – личностного перехода от чувственного менталитета к идеалистическому, в котором чувственная составляющая была компенсирована идеациональной стороной.

О духовных кризисах своего героя Н.Ф. Зюзов пишет: «Не был ли он сам в их годы полон наивных планов по решительному переустройству мира любой ценой, даже если бы для благих целей пришлось употребить принуждение и насилие? И как же он был потом разочарован во всех своих ожиданиях!» [Зюзов, 2019б, с.6]. Трансформация была довольно сильной и длительной: «Вспоминая теперь свои ранние тексты, Питирим краснел от стыда, вплоть до того, что его прошибала испарина – в такую чушь он когда-то наивно верил! Ему не сразу удалось отказаться от своих иллюзий – людям трудно признавать ошибки, тем более если они запечатлены в их трудах» [Зюзов, 2019б, с.116]. Если еще в 1920-е гг. Сорокин был сторонником объективизма [Зюзов, 2019б, с.96–97], то с 1940-х гг. разрабатывал программу деятельного, творческого альтруизма.

Обращает на себя внимание такая черта характера Сорокина, как «неутихающая воинственность», более подробно описанная Н.Ф. Зюзовым в его монографии при изложении наблюдений Д. Мартиндэйла [Зюзов, 2019а, с.19–20]. Эта особенность в сочетании с ценностью статуса, иррациональностью и несколько шаблонной, прямолинейной логикой, работоспособностью и житейской практичностью дает основание для отнесения Сорокина к достаточно распространенному в России типу сенсорно-логического экстраверта (к этому типу относят Андрея Боголюбского, Ивана Грозного, Петра I, В.И. Ленина, Г.К. Жукова, Б.Н. Ельцина). Любопытно, что привыкшая к упрямству мужа Елена Петровна «знала, что делать: не спорить яростно и эмоционально, а спокойно и мягко попробовать склонить его переменить решение» [Зюзов, 2019б, с.47].

С учетом данной типизации характера Сорокина его альтруистическая трансформация может рассматриваться не только как личная духовная драма, но и в горизонте российской истории. В частности, симптоматично присоединение Сорокина к таким персоналиям мистико-аскетической киево-печерской традиции в русском

№ 1 (18) (2021)
«Наследие»

православии, как Сергей Радонежский, Нил Сорский, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой [Зюзов, 2019б, с.126], ориентировавшей на безропотное восприятие насилия как испытания в вере, ниспосланного Богом. Отрицая злобу, ненависть и насилие, Сорокин призывал к смирению и жертвенности, подвижничеству и героизму [Зюзов, 2019а, с.63].

Объясняя его позицию, Н.Ф. Зюзов пишет: «Он не осуждал людей – они были больны, как было больно, с его точки зрения, все общество. Но лечить надо было совсем другое – ценностную составляющую человека, то, во что люди верили и чему поклонялись» [Зюзов, 2019б, с.35]. Говоря о «больном» обществе США, Сорокин имел в виду различные психопатологии, для излечения которых приходилось обращаться к психотерапии.

Можно согласиться с тем, что психическое здоровье общества является серьезной проблемой, значимость которой пока недооценена. Но нельзя согласиться с тем, что комплекс ценностей киево-печерской традиции, с ее ориентациями на смирение и жертвенность, является «здравым» и способным нивелировать «зверскую борьбу» и «волчью грызню друг с другом». Таким образом, вопрос о комплексе тех традиционных ценностей российского общества, которые позволили противостоять внешней агрессии и стать великой цивилизацией, является открытым.

Литература

- Зюзов Н.Ф. Питирим Сорокин: учение и жизнь. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2019а. – 208 с.
- Зюзов Н.Ф. Питирим Александрович Сорокин. Сыктывкар: Изд-во «Эском», 2019б. – 258 с.
- Сапов В.В. Питирим Сорокин и В.И. Ленин // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2017, № 1. – С.10–33.
- Тюгашев Е.А. Акватическая картина мира в социокультурной феноменологии П.А. Сорокина // Наследие. 2020а, № 1(16). – С.45–60.
- Тюгашев Е. Рецензия на книгу: Зюзов Н.Ф. (2019) Питирим Сорокин: учение и жизнь. Сыктывкар: СГУ им. Питирима Сорокина. – 208 с. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020б, № 23(4). – С.233–240.

References

- Zyuzev N.F. *Pitirim Sorokin: uchenie i zhizn* [Pitirim Sorokin: The doctrine and the life]. Syktyvkar: Izd-vo SGU im. Pitirima Sorokina, 2019a. – 208 p.
- Zyuzev N.F. *Pitirim Aleksandrovich Sorokin* [Pitirim Alexandrovich Sorokin]. Syktyvkar: Izd-vo «Jeskom», 2019b. – 258 p.
- Sapov V.V. *Pitirim Sorokin i V.I. Lenin* [Pitirim Sorokin and V.I. Lenin] // *Vestnik Syktyvkarskogo universiteta. Seriya gumanitarnykh nauk* [Bulletin of Syktyvkar University. Series of Humanitarian Sciences]. 2017, No 1. – pp.10–33.
- Tyugashev E.A. *Akvaticheskaya kartina mira v sociokul'turnoj fenomenologii P.A. Sorokina* [Aquatic world view in the sociocultural phenomenology of Pitirim Sorokin] // *Nasledie* [Heritage]. 2020, No 1 (16). – pp.45–60.
- Tyugashev E. *Recenzija na knigu: Zyuzev N.F. (2019) Pitirim Sorokin: uchenie i zhizn'*. Syktyvkar: SGU im. Pitirima Sorokina. – 208 s. [Book review: Zyuzev N.F. (2019) Pitirim Sorokin: The doctrine and the life. Syktyvkar: SGU im. Pitirima Sorokina, 2020. – 208 p. (in Russian)] // *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. 2020, No 23(4). – pp. 233–240.